

**«ДЩЕРЬ ДУХОВНАЯ ДАРЬЯ»:****Д. А. ДЕРЖАВИНА И АРХИМАНДРИТ ФОТИЙ (СПАССКИЙ)****Натали Шнайдер**

Университет им. Эрнста Морица Арндта, Грайфсвальд, Германия

Статья посвящена второй жене Г. Р. Державина Дарье Алексеевне (урожд. Дьяковой) и ее отношениям с ее духовным отцом архимандритом Фотием (Спасским).

**Ключевые слова:** Д. А. Державина (Дьякова), архимандрит Фотий (Спасский), религиозные движения в России первой четверти XIX в.

31 января 1765 г. Г. Р. Державин женился во второй раз, избранницей его «не по богатству и <...> расчетам, но по уважению ее разума и добродетелей» стала Дарья Алексеевна Дьякова [3, с. 175]. На этот брак поэт написал стихотворение «К Анжелике Кауфман»:

Напиши мою Милену,  
Белокурую лицом,  
Стройну станом, возвышенну,  
С гордым несколько челом;  
<...>  
Чтоб, на всех взирая хладно,  
Полюбила лишь меня [4, т. 1, с. 664].

Современники характеризовали Д. А. Державину как «холодную красавицу», полную противоположность горячо любимой первой супруге великого поэта, являвшейся душой компании: «была сосредоточена в самой себе, сдержана и суха в обращении, даже с близкими людьми, часто не любезна к друзьям своего мужа»; однако подчеркивали ее великодушие и благотворительность: несмотря на расчетливость ведения хозяйства, она «не жалела денег на крупные расходы и была щедра к зависевшим от нее людям» [4, т. 8, с. 684–685]. Ее милосердие распространялось на членов ее большой семьи, многочисленных племянников ее и мужа, воспитывавшихся ими и поддерживавшихся морально и материально при вхождении в новый мир столичного общества и реализации своих социальных ролей в этом мире.<sup>1</sup> Родные называли ее благодетельницей, а сестра Александра — второй матерью для своих детей.<sup>2</sup>

Оживленную переписку Д. А. Державина вела не только с родными и близкими, но и с представителями духовенства. Так, в Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранились ее письма к митрополитам, архимандритам, священникам, игуменьям, протоиреям и монахам. Количество писем варьируется, такая оживленная переписка в период между 1822 и 1842 годами свидетельствует о большом интересе к духовному миру и вопросам веры.

Общеизвестно, что она поддерживала отношения с архимандритом Фотием, заметной в петербургских кругах и при дворе фигурой. Представителями

современного общества он оценивался неоднозначно: одни его презирали, другие считали святым. Его персона окутана многочисленными слухами, его называли старообрядцем, критиковали его консервативную позицию, высмеивали любовь к роскоши, лицемерную сущность «святого батюшки», развезжавшего в богато украшенных каретах «с бронзой, вензелями» в окружении слуг, посещавшего празднества и маскарады, вращавшегося в светском обществе и «морочившего» голову знатым барыням вместо исполнения принятых на себя обетов священного сана.<sup>3</sup>

В первой четверти XIX в. архимандрит Фотий участвовал в борьбе против библейских обществ, мистической литературы, масонов и пропаганды протестанских учений, представлявших угрозу Русской православной церкви.<sup>4</sup> Все свои дела он направлял к единой цели — «врагов одолеть и Церкви Святой сделать пособие» [5, стб. 931].

Фотий вел кампанию против Александра Ивановича Тургенева, являвшегося секретарем Библейского общества и возглавлявшего с 1817 по 1824 г. департамент духовных дел, находясь в подчинении у князя А. Н. Голицына<sup>5</sup> [см.: 7, с. 65, 68, 155, 245, 261]. Члены «Арзамаса», выступая в том числе в защиту «Эоловой арфы», сочиняли на «фанатика» Фотия эпиграммы, разя острыми стрелами «пастырей таких — полублагих, полусвятых» [9, с. 511]. Объектом насмешек являлась и духовная дочь архимандрита Анна Орлова-Чесменская. Летом 1822 г. графиня «просила отца Фотия принять ее в дочь себе, быть отцом ее», с этих пор она стала его верной послушницей и помощницей во всех делах: «всем сердцем, всею душою, всею мыслию к Богу приложилась, предала себя авве Фотию, самые мысли и желания старалась узнать его, дабы, Бога ради во всем ему подражая, служить в слове и деле святой церкви и вере» [1, с. 201–202]. В это же время духовной дочерью его стала и Д. А. Державина: «Болярыня (sic) Дария Державина, такожде, как и девица Анна, по благословиению Серафима митрополита, восхотела быть дщерию духовною аввы Фотия и в сие же время учинилась» [там же].<sup>6</sup> Д. А. Державина проявляла интерес к религиозному учению и, видимо, к сложившейся в обществе обстановке, полной противоречий, о чем свидетельствуют строки ее духовного отца, в которых он разъясняет ей свою позицию по отношению к церковным врагам, масонам: с такими «врагами веры явными отец твой брань ведет за церковь и за спасение многих» и душа его «скорбит <...>, видя еще многих волков и хищников и развратителей церкви» [8, стб. 850–853]. В частности, обличает он «комара» Тургенева, который, как все масоны, «якова трава, яко прах погиге»; гнев Божий навлечет на себя этот «надменный комар» и «может вскоре от всякого низложен быть». Архимандрит остерегает свою дочь духовную и призывает ее: «Спасися от него, чадо» [там же].

В апреле 1822 г. Фотий был зван в Петербург к новому митрополиту Серафиму, во время этой поездки он бывал в разных светских домах, где проповедовал слово Божие. Среди прочих перечисляет он в своих записках и дом Д. А. Державиной: «Каждодневно авва Фотий был зван то к тем, то к другим

лицам на беседу о Господе, о церкви, о вере, о спасении души <...> Беседа же таковая была более всего в доме графини девицы Анны, дщери аввы Фотия, боярыни Дарьи Державиной, иногда в Таврическом дворце и у иных православных и известных благочестием» [5, стб. 931]. Ревностно к слову Божьему и наставлениям архимандрита относились духовные дочери Фотия А. А. Орлова-Чесменская, Д. А. Державина, А. И. Жадовская и П. М. Толстая, которые придерживались «консервативной ориентации в своих религиозных взглядах» [7, с. 13]. В письмах к Прасковье Михайловне Толстой, дочери фельдмаршала Кутузова, архимандрит положительно отзываясь о благочестивом образе жизни Державиной, полной усердия к Богу. Он подчеркивает существенные изменения в характере Дарьи: «милостива, кротка, благочестива, смиренна» [10, с. 182]. Данную метаморфозу Фотий, несомненно, связывает со своим влиянием на дочь свою Дарью. Именно благодаря ему превратилась она из холодной, расчетливой хозяйки с твердым характером в снисходительную к людям, христоролюбивую и, главное, нуждающуюся в его советах «истинную слугу по Христу», приемлющую его наставления сердцем и являющуюся их «перв<ой> исполнительниц<ей>» [10, с. 182, 225].<sup>7</sup> Однако заблуждение его на ее счет были велики, в отличие от Орловой-Чесменской, которая «предалась ему в полное порабощение, и он стал полновластным хозяином не только в душе, но и в доме „девицы“» [4, т. 8, с. 1009]. Д. А. Державина сохранила свою независимость суждений и самостоятельность действий, которые пришлось признать ее духовному отцу, иначе он, исходя из описаний Я. К. Грота, опасался разрыва со своей дочерью.<sup>8</sup> Вся самодостаточность натуры Державиной проявилась в истории вокруг авантюристки и мнимой монахини Фотиньи, появившейся в окружении Фотия в 1831–1832 гг. Разоблачение аферы и неподобающее духовному отцу поведение привело к окончательному разрыву между Д. А. Державиной и архимандритом Юрьевского монастыря [7, с. 210].

Несмотря на существовавшее в некоторых кругах мнение о силе влияния Фотия на Д. А. Державину, близкие к ней люди были убеждены, что и ее решение об учреждении в Званке женского монастыря, указанное в завещании,<sup>9</sup> было продиктовано отнюдь не силой могущества внушения святого отца, а «самой с целью более надежным образом упрочить на вечные времена существование Званки как достопамятного и дорогого потомству жилища Державина» [4, т. 8, с. 1009–1010]. Спустя много лет после смерти Дарьи Державиной (†1842), в 1869 г., в Званке было разрешено открыть Знаменский женский монастырь, просуществовавший до 1920-х гг.

### Примечания

<sup>1</sup> Двери этого гостеприимного дома в Петербурге и новгородском имении Званка были открыты для всех близких и друзей. Туда часто приезжали родственники, племянники из Петербурга: братья Львовы (Александр и Леонид), Дьяковы и Капнисты (Алексей, Владимир, Иван, Семен). После смерти Николая Александровича Львова (†1803) и его жены Марьи Алексеевны (†1807) их дочери Вера, Елизавета и Прасковья жили в доме Державиных. К данному женскому обществу принадлежали также сестры Бакунины (Варвара, Пелагея и

Прасковья), Александра Николаевна Дьякова (дочь брата Дарьи Державиной) и Александра Павловна Кожевникова.

<sup>2</sup> Чета Капнистов неоднократно поднимала в своих письмах к чете Державиных тему заботы о детях, их письма полны благодарности к родным, покровительствовавшим их детям в далекой столице. Ср. чувствительные строки из письма В. В. Капниста к Г. Р. Державину от 05.12.1813: «Чувствительнейше и от искреннего сердца благодарю вас за старание ваше о помещении детей моих. <...> Вы не имеете детей, так вы не можете себе и вообразить той благодарности, которую я и Сашенька к вам чувствуем за сие величайшее одолжение. <...> Сердце мое так стеснилось, что я должен кончить письмо мое. Обнимаю вас в мыслях» [6, с. 485].

<sup>3</sup> Ср. строки из анонимных «Стихов на архимандрита Фотия», сочиненных между 1822 и 1824 гг.:

Карета мчится выписная,	Чтобы святые так езжали
В ней рожа постная, больная	И их фореиторы визжали?
В престранном черном клобуке	Смотри, всех встречных ломит с ног.
Смиренно жмется в уголке,	Когда монаху велел Бог
И над каретными дверями	В каретах графских величаться?
Герб графский, с бронзой, вензелями.	А тут легко всем догадаться,
Четверка ухарских коней	Что у графини маскерад:
Летит как вихрь, стрелы скорей,	Надев монашеский наряд,
Звенит со стоном мостовая.	Морочить барынь он к ней мчится
Чья эта четверня лихая	И маску уронить боится».
И слуги в золоте горят?	Архип, мне кажется, в том прав.
«Вон батюшка святой наш едет...»	<Вить> у народа такой нрав,
— «О нет, народ пустое бредит, —	Что он молодчика лихого
Архип тут Сидору сказал, —	Подчас считает за святого [2, с. 349-350].
Ну кто видал или слышал,	

<sup>4</sup> В. В. Улыбин подчеркивает важную роль архимандрита Фотия, в 1822 г принесшего «в ряды оппозиции <...> хоругви для выступления против еретического засилья на русской земле» [10, с. 22].

<sup>5</sup> А. Н. Голицын стоял во главе образованного в 1817 г Министерства духовных дел и народного просвещения вплоть до своей отставки в 1824 г.

<sup>6</sup> Автобиографию архимандрита см.: Русская старина. 1881. Т. 81. № 3. С. 135–168; № 4. С. 99–123; № 5. С. 91–114; Т. 82. № 7. С. 195–230; № 10. С. 125–142; 1895. Т. 83. № 2. С. 174–216; № 3. С. 177–184; Т. 84. № 7. С. 167–184; № 8. С. 169–200; № 11. С. 207–236; № 12. С. 189–203.

<sup>7</sup> Архимандрит особенно акцентирует внимание на своего рода перерождении духовной дочери, постоянно повторяя в письмах: «Она совсем не то, что было»; «ты ее не узнаешь теперь» [10, с. 177, 182].

<sup>8</sup> «По своему холодному и рассудительному характеру она вовсе не была способна к подобному увлечению и, хотя оказывала Фотию подобающее почтение, но всегда сохраняла надлежащую долю самостоятельности и достоинства. Случалось даже, что она ссорилась с Фотием. Однажды, когда он вместе с графиней Орловой был в Званке, Дарья Алексеевна упрекала его в слишком грубом обращении с князем Голицыным и другими сановниками. Чтобы выразить ей свое неудовольствие за такую смелость, архимандрит в ее присутствии позволил себе лечь на диван, отворотясь от нее лицом к стене. Дело чуть не дошло до разрыва»

[4, т. 8, с. 1009].

<sup>9</sup> «Относительно Званки, в дополнении к завещанию Дарьи Алексеевны, выражена была положительная воля ее: устроить в этом селе женский монастырь во имя Знамения Божией Матери <...> В случае же, если б встретились какие-либо препятствия к осуществлению этой

мысли, завещательница определила село Званку продать и проценты с вырученной за это имение суммы употреблять на ежегодную раздачу во все женские монастыри Новгородской губернии» [4, т. 8, с. 1012–1013].

### Список литературы

1. Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // Русская старина. 1895. Т. 83. № 2. С. 174–216.
2. Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков: в 2 т. / вступ. ст., сост., вступ. заметки, подг. текста и примеч. С. А. Рейсера. Л.: Сов. писатель, 1988. Т. 1. 620 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
3. *Державин Г. Р.* Записки. 1743–1812. М.: Мысль, 2000. 334 с.
4. *Державин Г. Р.* Сочинения / с объясн. примеч. Я. К. Грота: в 9 т. СПб.: Имп. АН, 1864–1884. Т. 1. 1864. 812 с.; Т. 8. 1880. 1044 с.
5. Из записок архимандрита Фотия // Русский архив. 1869. № 6. Стб. 929–944.
6. *Катнист В. В.* Собрание сочинений: в 2 т. / ред., вступ. ст., примеч. Д. С. Бабкина. М. — Л.: АН СССР, 1960. Т. 2. 630 с.
7. *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века: монография. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 343 с.
8. Письмо Юрьевского архимандрита Фотия к Д. А. Д-ой // Русский архив. 1863. С. 850–853.
9. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2. 1959. 799 с.
10. *Улыбин В. В.* Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов / сост., предисл. и примеч. В. Улыбин; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 400 с.

### Об авторе

ШНАЙДЕР Натали, магистр, аспирант кафедры славянского литературоведения философского факультета университета им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия; e-mail: natalie-schneider@yandex.ru